

Шумная орава обступила его плотным кольцом. Для человека, перед чьими глазами до сих пор плясали золотые искры, это было сомнительным удовольствием — дышать стало решительно нечем.

Разношёрстная свора его прихвостней пришла в ярость и наперебой облепила «виновника торжества».

— Играть научись, урод!

— Ты хоть видишь, на кого наезжаешь?

— Жить надоело, сука?!

Шестёрки лезли из кожи вон, стараясь выслужиться, а вот Вань Цзиньцяню приходилось туго. Опираясь на подставившего плечо Цао Гэнвэя, он с трудом поднялся на ноги. В голове его, заглушая крики, набатом звучали слова Системы:

[Завершите сюжетную сцену и подтвердите заданную роль]

Цзиньцянь прекрасно помнил, что должно произойти дальше. Он вяло взмахнул рукой, приказывая банде заткнуться, и уставился на дрожащего от страха виновника переполоха.

— Свободен, — буркнул он. — Исчезни с глаз моих.

Парень опешил, глупо хлопнул глазами, а в следующий миг припустил так, что только пятки засверкали. На бегу он испуганно оглядывался — боялся, как бы гроза школы не передумала и не бросилась в погоню.

— И всё, брат Вань? — подал голос Цао Гэнвэй. Такой мирный исход его явно разочаровал.

— Угу, — Цзиньцянь кивнул в сторону трибун, где сидела признанная школьная красавица Му Жун, и жестом велел Гэнвэю вести его туда.

Истинные намерения заводилы не имели никакого отношения к баскетболу.

О его чувствах к Му Жун знала вся школа. Сидевшая неподалёку Лю Чжихуэй позеленела от злости и, резко поднявшись, покинула трибуну, даже не притронувшись к стаканчику с молочным чаем.

Гомон на площадке мгновенно утих. Десятки людей провожали взглядом Цзиньцяня, который медленно, преодолевая слабость, ковылял к Му Жун. Глядя на его точёный профиль, многие

девчонки втайне вздыхали: «Ну зачем при такой смазливой мордашке быть столь безнадежным дураком?»

Сам же виновник девичьих грёз внутри матерился на чём свет стоит. Что за абсурдный сценарий? На подобную дичь мог пойти только круглый идиот.

Впрочем, Цзиньцзянь явно недооценивал глубину романтического кренинизма, прописанного в характере его персонажа.

Заботливый Сун Ян уже подсуетился: разузнал у ребят из двенадцатого класса, что у Му Жун сейчас «эти дни», и заранее приготовил чай комнатной температуры. В удушающую летнюю жару ледяная газировка зашла бы куда лучше, но чего не сделаешь ради любви босса.

— Жми, брат Вань! Вперёд и с песней! — Сун Ян с заговорщицким видом всучил ему тёплый стаканчик и скорчил ободряющую гримасу.

Однако песня сегодня обещала быть зауспокойной.

Зная финал этой драмы наперёд, Цзиньцзянь мысленно выл. Лавина крепких выражений пронеслась в его голове — не то чтобы он сам жаждал этого позора, но проклятый сюжет не оставлял выбора.

Му Жун сидела бок о бок с Чжао Хаочэном. От её свежeweмытых волос, небрежно спадавших на плечи, исходил нежный аромат молока и лесного ореха. Лёгкая косая чёлка идеально обрамляла её ангельское личико, а ушитые по фигуре школьные брюки выгодно подчёркивали стройные ноги. Безразмерная куртка, правда, сидела на ней как мешок.

«Плосковата, конечно»

Но статус первой красавицы она носила заслуженно — с этим не поспоришь.

На коленях у девушки лежал раскрытый решебник. Она увлечённо расспрашивала Хаочэна о какой-то сложной задаче, а тот терпеливо, пункт за пунктом, разбирал решение. Они казались единым целым, и между ними не осталось места для кого-то третьего. Любой зрячий сразу бы всё понял.

И всё же верный Сун Ян умудрился всучить своему боссу этот злосчастный тёплый чай. Видимо, в глазах шестёрок любимый вожак априори был неотразим. Вань Цзиньцзянь — гроза школы, гроссмейстер любовных побед!

Вздохнув, Цзиньцзянь решительно шагнул на эту «заминированную» территорию. Скромно примостившись с краю, он принялся лихорадочно перебирать в уме пышные фразы — нужно было выдать нечто пафосное, соответствующее образу высокомерного богача.

Увы, словарный запас местного авторитета оставлял желать лучшего. Из всех красноречивых оборотов на ум шло одно банальное косноязычие.

— Я... — выдавил он.

И тут же осёкся, прикидывая, на каком кладбище его похоронят после этой сцены. Никакие красивые слова не могли заглушить звенящую пустоту в его груди. Да и с какой стати? На самом-то деле эта девчонка была ему абсолютно безразлична.

«Она ведь нравится прежнему владельцу тела, а не мне»

Му Жун медленно повернула голову. Её холодный, пренебрежительный взгляд полоснул парня по лицу, заставив его почувствовать себя крайне неудобно.

«А может... в другой раз?» — мысленно взмолился Цзиньцзянь, обращаясь к Системе.

В оригинальном романе этот шут гороховый признавался в любви после триумфального матча против двенадцатого класса. На волне успеха он шёл напролом, хоть и получал в итоге от ворот поворот. Но сейчас-то расклад изменился! Мало того что они продули, так он ещё и схлопотал мячом по макушке. Логично же перенести этот «звёздный час» на более подходящее время? Лично он к публичному унижению прямо сейчас готов не был.

[Обнаружена попытка уклонения от роли]

— Понял, сдаюсь, — мысленно выдохнул Цзиньцзянь.

Он набрал в лёгкие побольше воздуха и выдавил из себя:

— Му Жун... Я, на самом деле...

— Я знаю, что я тебе нравлюсь, — перебила его Му Жун, сразу беря быка за рога.

Толпа на трибунах дружно ахнула. Неужели главные красавцы школы сейчас станут парой?

Но сказка закончилась, не успев начаться.

— Но ты мне не интересен, — ледяным тоном отрезала она, не оставив бедняге ни единого шанса.

Окружающие затаили дыхание, сочувствуя поверженному авторитету. Сцена вышла донельзя унижительной.

Чего они не знали, так это того, какое облегчение испытал Цзиньцянь в этот момент. Зачем выжимать из себя фальшивые признания, если девчонка сама всё озвучила? Сюжетная галочка поставлена, требования Системы выполнены.

«Современному парню в суровом мире выживания нужно уметь вертеться, чтобы уберечь свою нежную психику от лишних травм»

— Понятно, — безучастно отозвался Цзиньцянь.

Затем он невозмутимо протянул тёплый стаканчик сидевшему рядом парню:

— Держи, Чжао Житянь. Это тебе.

«Чжао Житянь» — именно так этот заносчивый ублюдок величал главного героя в романе. Логика была проста как дважды два: иероглиф «Хао» в имени соперника раскладывался на «солнце» и «небо», что в уличном жаргоне превращалось в «Того, кто имеет небо». Короче говоря — Чжао Житянь.

В школе даже присказка ходила: «Нужна помощь с уроками — зови Хаочэна, хочешь почесать кулаки — лови Чжао Житяня».

Чжао Хаочэн тупо уставился на стаканчик в своих руках, а затем недоумённо перевёл взгляд на обидчика.

— Не стоит благодарности, — сухо бросил Цзиньцянь.

Теперь пришёл черёд Му Жун сгорать от стыда. Она-то приготовилась снисходительно отвергнуть ухажёра, а вышло так, будто парень просто принёс попить своему приятелю. То ли она сама себя накрутила, то ли просто страдала излишним самомнением.

Ситуация получилась двусмысленной до крайности. Наблюдавшие за этим Цао Гэнвэй и Сун Ян стояли с разинутыми ртами, не понимая, радоваться им или плакать.

— Брат Вань... — Гэнвэй попытался было окликнуть уже собиравшуюся уходить Му Жун. — погоди, Му Жун, он ведь на самом деле... Он же к тебе...

Конечно, лезть в чужие амурные дела — последнее дело, но Гэнвэй искренне переживал за друга, упустившего идеальный шанс. Будучи его верным соратником ещё со средних классов, он отлично помнил тот день, когда Вань Цзиньцянь впервые переступил порог школы и буквально застыл при виде Му Жун. С тех пор его преданность не угасала. Сильное чувство должно быть нерушимым, верно?

Вот только детская привязанность редко находит взаимность. Первая любовь почти всегда обречена оставаться безответной.

«Любить и быть отвергнутым» — эти четыре слова стали негласным девизом последних десяти лет его жизни. Десять лет назад они были чужими людьми. Десять лет спустя они остались чужими. Прошлое утекло сквозь пальцы, как вода, оставив лишь лёгкую горечь.

Цзиньцянь мягко придержал рвущегося в бой друга за плечо:

— Оставь, Да Цао. Всё нормально.

Держался он при этом на удивление спокойно, словно ушат холодной воды вылили не на него, а на кого-то другого.

Тут до Сун Яна наконец дошло. Он демонстративно закатал рукава своей безрукавки и зловеще процедил:

— Похоже, наша фифа сохнет по этому зубриле.

Он обернулся к остальной банде, призывая их к действию:

— Парни, меня этот Чжао Хаочэн уже поперёк горла стоит! Вечно строит из себя праведника. Учится днём, учится вечером, ночью, блин, тоже зубрит! Другим спать не даёт своей лампой. Тоже мне, гений выискался, сука...

Хоть его тирада и звучала путано, она мгновенно нашла отклик у местной шпаны. Образцовое поведение Хаочэна, корпевшего над учебниками до рассвета, жутко раздражало этих бездельников. Белая ворона, выскочка — такому ему не было места в их стае.

Градус напряжения на площадке стремительно рос. В знойный летний день юношеская кровь закипала от малейшего повода, и воздух, казалось, вот-вот затрещит от летящих искр.

Цзиньцянь лишь мысленно вздохнул.

«Эх, молодость, сколько дури...»

А ещё ему нестерпимо хотелось дать подзатыльник Сун Яну. Надо же быть настолько слепым, чтобы только сейчас заметить очевидное!

— Хорош шуметь, — лениво прервал их Цзиньцянь. — Расходитесь. У меня к Чжао Житяню свои счёты, сам разберусь.

Он сладко зевнул, потянулся всем телом и медленно выдохнул, демонстрируя полнейшее равнодушие к происходящему.

— Но, брат Вань... — Цао Гэнвэй попытался возразить. Оставлять друга наедине со зреющим гневом ему явно не хотелось. Он бросил на Хаочэна испепеляющий взгляд, словно предупреждая: «Не уйдёшь живым».

— Иди уже, — отмахнулся Цзиньцзянь. — Когда это я давал спуску ублюдкам?

Последнюю фразу он произнёс исключительно ради того, чтобы успокоить верного соратника.

«Верь в брата Ваня — и обрящешь покой» — как шутили в их кругах.

Гэнвэй и Сун Ян ухмыльнулись, подхватили свои спортивные куртки и на прощание чувствительно пихнули плечом растерянного отличника.

— Молись, придурок, — бросил на ходу один из них.

Они слишком хорошо знали своего лидера. За маской изящного юноши скрывался жестокий уличный боец, который умел пускать кулаки в ход без лишних прелюдий. Настоящая гроза школы и классический учебный шлак. Парни ничуть не сомневались, что Чжао Хаочэна сейчас распишут под орех.

Дракон на левом плече, тигр на правом, а в голове у нашего забияки — звенящая пустота.

Зрители спешно потянулись к выходу. Все знали: Вань Цзиньцзянь терпеть не мог свидетелей во время «воспитательных бесед». Ему требовалась тишина. Образ тонкого, меланхоличного юноши обязывал к известной эстетике.

Современная молодёжь чтит неписанные законы улиц.

Когда спортплощадка опустела, Цзиньцзянь уныло уставился на свою жертву. Ситуация складывалась паршивая: по сюжету он был обязан избить Чжао Хаочэна, чтобы выплеснуть злость после позорного отказа.

Но сейчас он не чувствовал ни капли злости. Более того, поднимать руку на главного героя ему было попросту... боязно.

«Пройдёт десяток лет, и этот забитый парень вернёт мне должок в стократном размере»

Цзиньцзянь замер на пластиковом сиденье трибуны, тупо глядя перед собой. Ему нестерпимо

захотелось растянуться на лавке, закурить и поразмышлять о бренности бытия перед своей первой в жизни дракой — и плевать, что он отродясь не брал в рот сигарет.

Чжао Хаочэн тем временем послушно снял свои дешёвые очки в чёрной оправе и крепко зажал их в кулаке.

Отличник не был трусом. Он пробовал защищаться, но сопротивление лишь раззадоривало мучителей. Видя, как отчаянно бьётся жертва, хищник нападал с ещё большей яростью. Это был замкнутый круг.

С первого дня в этих стенах Хаочэну твердили: «Не связывайся с семейством Вань». Он и не пытался. Всё, чего он хотел — это спокойно грызть гранит науки, но даже эта скромная мечта здесь казалась непозволительной роскошью.

Третья средняя школа Жунчэна считалась элитным заведением, но даже в лучшей школе города водилась своя шваль. И худший представитель этой породы сейчас сидел прямо перед ним. Настоящее чудовище во плоти.

Впрочем, кусать руку дающую Хаочэн не мог. Его обучение полностью оплачивалось за счёт именной стипендии корпорации Вань.

«Стерпится — слюбится, а промолчишь — целее будешь» — мрачно твердил он себе.

Это была не трусость, а холодный расчёт. Суровая реальность требовала умения склонять голову перед сильными мира сего.

Примирившись со своей участью, Хаочэн зажмурился. Вокруг воцарилась зловещая тишина.

«Перед бурей море всегда затихает» — мелькнуло в голове у парня.

Тем временем в мозгу Цзиньцяня раздался настойчивый писк Системы:

[Внимание! Требуется подтвердить заданную роль и завершить сюжетное событие]

[Запущен таймер принудительного исполнения: 05:00... 04:59... 04:58...]

От этого механического голоса Короля Грязевых Коней Цзиньцяня мгновенно бросило в холодный пот. Казалось, он постарел лет на десять за одну секунду.